

ВЫСТАВКА ЕВГЕНИЯ ГАБРИЧЕВСКОГО

Галерея Даниеля Кордые и Мишеля Вуоррена (978 Мэдисон Авеню) имеет очень хорошую репутацию среди художников и искусствоведов Америки и Западной Европы. Попасть туда — означает для художника приобрести «патент» на новое, свежее слово в искусстве.

В этой галерее уже открыта и продлится до одиннадцатого ноября выставка работ нашего соотечественника Евгения Габричевского.

Габричевский, бесспорно, крупный художник, выдающийся представитель сюрреализма в русском изобразительном искусстве. В лучшей части своих работ (в том числе и в тех, что показаны на этой выставке) Евгений Габричевский ни на кого не похож. Это — мастер с крайне своеобразным лицом.

Тем не менее можно все же отметить, что некоторое воздействие на него было оказано Чюрлонисом (на этой выставке есть фантастическое изображение морского дна, навеянное «морской сонатой» гениального литовца) и Богаевским. Не потому ли сюрреализм Габричевского окрылен символистскими мотивами? Возможно также, что кое в чем живопись Габричевского имеет общие точки соприкосновения с живописью Авинова и Павла Филонова.

Евгений Габричевский необыкновенно разносторонен и никогда не повторяется. Каждая его картина, каждый рисунок, даже каждый беглый набросок — это своего рода формально-эстетический эксперимент, неожиданная находка нового и необычного. Что в Габричевском поражает — так это размах воображения, неистовый разлив фантазии. Вот почему дать объективный отчет об этой выставке — значит охарактеризовать едва ли не каждую из принятых галереей Кордые и Вуоррена работ.

Любопытно, что Габричевский подходит к реальному, как фантаст и мистик, и, напротив, делает реальным бредовое и потустороннее. Среди показанных на этой выставке работ есть такие, на которых изображены разрушения, вызванные войной, но развалинам домов Габричевский почти всегда придает апокалиптический характер: в малой части он хочет открыть первопричину целого, разгадать тайну происхождения войны на нашей земле.

В других работах апокалиптические бредовые видения теряют у Габричевского земные покровы: это уже извержение вулкана в каком то потустороннем мире, антиматерия, антивещество, истекающее кровью или охваченное огнем и дымом.

Исключительно оригинальны орнаменты Габричевского, вернее его животворная орнаменталистика. Перед нами — зоологические и ботанические сады из причудливых узоров; как будто художник сохраняет живые души тех животных и растений, которые пройдя сквозь строй магических превращений, стали орнаментом. Вероятнее всего, что в этой орнаменталистике сказалась вторая профессия Габричевского: он — специалист по естественным наукам, автор ряда научных работ, напечатанных в специальных французских и немецких журналах.

На выставке есть ряд работ, в которых Габричевский как бы смотрит и на современную нам землю и на историю нашей земли глазами палеонтолога грядущих эпох. В таких случаях — перед нами окаменевшая или окаменевающая жизнь, земли, небеса и моря, превращенные волей рока в антрацитовые пласты.

Неожиданно смелый художественный образ, находки и достижения в результате странных и даже «диких» формально-эстетических экспериментов, большая мятущаяся философская или религиозная мысль — вот отличительные особенности творчества Евгения Габричевского.

Художник долгие годы живет в Мюнхене, где одно время проживал и я. Из за живописи Габричевского мне не раз приходилось ломать копы с крупным немецким критиком и искусствоведом Францем Ро.

По этому поводу были и горячие устные споры и полемика в печати. В 1949 году выходящий в Мюнхене эмигрантский журнал «Литературный современник» опубликовал репродукции с ряда работ Габричевского, — под мою ответственность и при содействии проф. Ф. А. Степуна. Должен признаться, что сочувствие ряда сотрудников журнала моему противнику едва не помешало осуществиться этому замыслу.

На открытии выставки ко мне подошли немецкий художник и немецкий журналист, которые помнят меня еще по Мюнхену. Оба поздравили меня с «поражением», которое превратилось в победу.

Признаюсь, что в своих спорах с Францем Ро (и в связи с Габричевским, и по поводу русской живописи вообще) я был во многом прав по форме, но кругом будучи необъективен и несправедлив, вел полемику исключительно корректно, а я отвечал ему резко и грубо.

На выставке я сказал своим немецким знакомым, что готов забыть об этой полемике в надежде, что такой тонкий знаток модернистского искусства, как Франц Ро, сам придет к заключению, что недооценка Габричевского была с его стороны ошибкой.

В искусстве есть явления, объективная ценность которых не

зависит от авторитетов и имен тех, кто определяет эту ценность. А об объективной ценности живописи Евгения Габричевского можно судить хотя бы по успеху его последних персональных выставок в Европе.

Так с 15 июля по 15 сентября с большим успехом прошла его выставка в галерее Альфонса Шейво в Везе (Франция). С меньшим успехом прошла его выставка во Франкфурте. Теперь Даниель Кордые одновременно устраивает две его выставки в собственных галереях: парижской и Нью-Йоркской.

Вяч. Завалишин